

Проблема свободы и ответственности (необходимости) в «Великом Инквизиторе» Достоевского.

Натурфилософский аспект темы предстает как *свобода* и *необходимость*, где *свобода* является личностным, а *необходимость* – природно-безличным началом. В *свободе* и *ответственности* – чуть иные акценты, сугубо личностные, ибо эти понятия почти тождественны (во всяком случае, в христианской парадигме). Как только переводим тему в иной смысловой вектор, она обретает иное звучание.

1. «Великому Инквизитору» Достоевского посвящены десятки (а то и сотни, в т. ч. пара моих) статей, от философско-филологических до публицистических; его тема сама по себе очевидна, лежит на поверхности. Тем не менее, в ней остаются еще не задетые аспекты.

Прежде всего – это расстановка героев в поэме, истоки образов, проясняющих позицию автора, *способ ее выражения*. Последнее – наиболее продуктивно в плане выявления стержневой идеи (не публицистической, конфессиональной или историософской, а сугубо поэтической).

Вставная новелла представляет собой аллегорический рассказ Ивана Карамазова младшему брату Алёше на тему христианской свободы воли, свободы совести, заключает в себе конфессиональные взгляды писателя, отношение к Церкви, католицизму, обществу, занимает ключевое место в романе и философской системе воззрений автора.

«Поэмка...студента» опубликована в июньском номере 1879 года журнала «Русский вестник» в составе пятой главы пятой книги «Pro и contra» второй части «Братьев Карамазовых». Автор называл эту вставку «кульминационной точкой» романа.

2. Немного из недавней истории вопроса. Лет 10 назад всех поразил, а меня смутил (во многом и возмутил) доклад о. Георгия Митрофанова, который, эпатуруя слушателей, защищал взгляды Инквизитора (кажется, не вполне рассмотрев всесторонне, диалектически философски, методологически и филологически). Разгорелась ожесточенная полемика.

Кажется, настала пора взглядеться в позицию о. Георгия более пристально, беспристрастно.

Итак, *диалогический* смысл поэмы (выраженный через *монолог* Инквизитора) сводится к столкновению двух *правд*, позиций, земной и Небесной, соответственно: Инквизитора и Пришельца, «сочинителя» Ивана или его слушателя Алеша. Истина же пребывает *посредине и выше* (Гете), т.е., у Творца, автора созданного им мира!

Автор нацелен против социальной утопии (идущей еще от Платона), скрывающей мысль тираническую (любая идея тиранична) — против пере-

дачи ответственности *избранным*, против достижения *гармонии* — *властью* над безликой массой (см. планы Шигалева в «Бесах»).

«Мысль автора ... диалектична» (Франк), даже *антиномична*, исходит из трагизма, противоречий бытия, разрешаясь в ареале Духа¹. Вопрос, в какой проекции – в *ретроспекции* или *перспективе*: в *возврате* к младенчески-невинному состоянию, статике (равной смерти) или – в воскресении через *неизбежную* дань смерти. Думается, безусловно, последнее.

Но... *беспроблемность* – утопична, тупикова, а *проблемность* – чревата, опасна. Что же в итоге?! Вечная ситуация цугцванга, *безысходности*, отчаяния, *выбора без выбора*?

Отнюдь! Автор выстраивает антиномии в строгой ценностно-смысловой иерархии и диалектической логике! Его соперник – не кардинал (старик измучен своими вопросами, упорно прямолинеен). Его оппонент – Пришелец-имитатор, сомнительно молчащий Пленник, вместо-Христос (вспомним бесплотно иллюзорного *Исуса* у Блока в «Двенадцати»). Вот истинный *противник*, в облике Богочеловека.

Важно учесть: Инквизитор выражает правду о падшем человеке; а его оппонент – о нашем призвании (неслучайно Инквизитор обвиняет Его в *идеализме*).

Иван, автор поэмы, не атеист, а *гностик-дуалист*, или *а-гностик* (как Кант), что сути не меняет, т. е. произвел *подмену* поонятий: диалектику – дуализмом, заместил Христа – Его *подобием*, *псевдо-Христом* (*анте-Христом*).

Истинным оппонентом Инквизитора предстает *полу-пелагианец* Зосима. Демократизм старца граничит с *панентеизмом* (философская параллель библейской идеи «все в Боге», в 1828 г. выведенная К. Краузе; или полярным ему языческим принципом *пантеизма* «Бог во всем»).

Об *ответственности в свободе* он провидчески говорит: «...Старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою.<...> Правда, пожалуй и то, что это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию может обратиться в обоюдоострое орудие, так что

¹ Инквизитор защищает христианскую идею Империи Духа (в церковно-государственном, *папо-цезаристском* ее искажении). Византийский *цезаре-папизм* – восточный извод проблемной *симфонии*, брачных отношений Державы и Церкви; в России он вылился в *сервиллизм* клира перед властями мира сего. Вспомним оценку Пушкина, данную Г.П. Федотовым, «поэт империи и свободы», приложимую к Христу, связавшему воедино принцип *иерархичности* и *демократизма* Своей парадоксальной идеи, отношений Любви, которая есть «дело жестокое» (по слову старца Зосимы; Отцы говорили о «биче любви»). К *насилию любовью* склонны и Инквизитор, и Закладчик в «Кроткой», и старый Карамазов, и Раскольников, и *бесы революции*. Различие скрыто в регистре, векторе личного устремления.

иного пожалуй приведет, вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе»).

Речь, конечно, идет о *лже-старчестве, младостарчестве, самозванстве*.

Наряду с папистскими (*сервилизм и папо-цезаризм*) тенденциями и претензиями – это второе по опасности искушение, искажение православия и нынче.

Спор был бы правомерен при условии встречи с Инквизитора реальным Христом, из Евангелий. Пришелец же у *Ивана* вызывающе молчит, чему дано объяснение, но не *сочинителем* Иваном, а его *героем*, Инквизитором. *Диалогический* принцип романиста заключается в том, что автор входит (хоть и опосредованно) в систему взаимоотношений героев.

Вот слова Инквизитора, обращенные к Пришельцу:

«Имеешь ли Ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел? — спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, — нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей *свободы*, за которую Ты так стоял, когда был на земле. Всё, что Ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“. Но вот Ты теперь увидел этих „свободных“ людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на него, — но мы dokonчили наконец это дело во имя Твое.

Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это *кончено*, и *кончено крепко*. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим.

Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?»— Я опять не понимаю, — прервал Алеша, — он иронизирует, смеется?— Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они *поборол* свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей *счастливыми*. «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о *счастии* людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, — говорит он ему, — ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. *За чем же ты пришел нам мешать?*»

Логика Инквизитора безупречна по форме. А его разочарование в людях напоминает возглас Пушкина в романтической фазе становления его личности: «Паситесь, мирные народы..!»².

У Достоевского же это не просто *критика папства* (как полагают многие исследователи, а *квинт-эссенция повреждения человека грехом*. Достоевский указал исток *ложной* проблемы *теодицеи* (столь популярной на Западе). Вечное *насилие любовью* терпит неизбежный *крах*, по крайней мере, моральный (см. «Кроткая», «Сон смешного человека» и пр.)!

В итоге получаем: *отрицательную свободу (от)* и *творческую* – свободу для... – Вот проблематика *существования, христианская экзистенция* Максима Исповедника и Достоевского (об этом см. отдельную мою статью).

Ее произвольно и раскрывает автор, избличая современную философию и жизненную практику в *умозрительности, спекуляциях, произвольной лжи*.

Отдельный вопрос: *свобода в проекции Дара* или *негативная свобода* гностиков, Якоба Бёме и Бердяева, – как *бездосновность*, Цель в себе (даже прежде Творца)³ – вот вопросы автора к *глубокомысленно, умышленно* молчащему Оппоненту и нам, читателям.

И, наконец, о *всепрощающем* поцелуе псевдо-Христа – что это? Видимо, уловка Ивана (не зря в бреду, перед помешательством, его навещает черт)!

Что-то не припомню целующего кого-либо Христа. А вот поцелуй Иуды остался в веках! Мнимый «Христос» возвращает его – *человеко-богу* Инквизитору, в отчаянии, из упрямства обманывающему, в ослеплении гордыней предающего себя и Распятого.

«Христос» у *гуманиста* Ивана вышел *апокатастасисный, всепрощающий*⁴!

Тревожащая Кардинала совесть, пробуждая его болезненное воображение, *прельщает* нас сотворенным фантомом, *имитацией* Христа. «Старик остается в прежней идее», а вместе с ним и *заблудшее* человечество: «слепые вожди ведут слепых»; боязливо покорная паства привычно вверяет свою судьбу лже-избранному *жестоковому пастырю*.

² Паситесь, мирные народы!

Вас не разбудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремушками да бич. – Пушкин. Сеятель, 1823.

³Напомню, что свобода – не самоцельна (вопреки идее Бердяева), а лишь *условие* творческого выявления личности.

⁴ Здесь явствен выбор автора между *апокатастасисом* Максима Исповедника и *всепрощением* Григория Нисского в пользу первого. Когда католики говорят о *восстановлении* целостного человека у преп. Максима, они явно подменяют его мысль о *всеобщем воскресении* – *всепрощением* Нисского. Видимо, Исповедник преодолевал искуc в ходе разработки своего учения о *гномической* воле Христа, что сближает *христианского экзистенциалиста* с *экзистенциальным христианством* (моя полемика с Г. Померанцем).

Да, «Свет любви» исходит от Пришельца, по нему и узнает Его толпа! Но властный жест и *искорка* во взоре (может воспламенить весь мир) Инквизитора заставляют людей отступить; побеждает сила Кардинала; и его победа – Пиррова, насилие любовью губительно для него же.

На Свет же любви указывает пристрастный *сочинитель* Иван, а не автор с его *участной внаходимостью*! Романист заявляет: «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Напомним, старец Зосима замечает: «Любовь – дело жестокое» (именно, не всякому по силам).

В том все и дело, что Иван в поэме вывел не Христа реального, а *фантом*, свою и Инквизитора фантазию, отражение общей боли, тревоги (вместе с тем, и совести автора) – *Христа гностиков*, образ умозрительный, *умышленный*, не из Благой вести.

Творчество, герой – и есть «горнило сомнений» автора! У него Свет не ласкает, а *жжет, попаляет*, как в «Пророке» Пушкина (но это уже иная тема, анти-леонтьевская, *полемическая*).